

К сожалению, встречи с Человеком-Обезьяной происходили каждые две недели, и к тому же по утрам. Курама не любил вставать рано утром. Он еле-еле вставал в полдень. Сегодня была суббота, и, вместо того, чтобы проспать ещё пару часов в уюте своей мягкой, воздушной кровати, Курама проснулся от того, что АНБУ тряс его за плечи, и увидел квадратные зелёные цифры "8:30" на экране своего будильника.

У него едва хватило времени проглотить печенье и нервно переодеться в более-менее презентабельную одежду, прежде чем АНБУ потащил их обоих — отродье всё ещё сонно щурилось во все стороны, а в глотке Курамы застряло сдавленное рычание — прочь с балкона и в сторону отвратительной Башни.

Человек-Обезьяна пил чай и разбирался со стопкой бумаг, когда Курама с отродьем были посажены в огромные кресла для отдыха напротив него. Квадраты мягкого солнечного света падали сквозь широкие окна кабинета. Они расплзались по половицам пятнами желтка на коричневом дереве. Человек-Обезьяна улыбнулся гостям. Безвкусовая шляпа была настоящим преступлением. Курама, раскачивая ногами в воздухе, нахмурился в ответ.

Это была полная херня. Угх.

В полутора креслах в сторону отродье очнулось от своего состояния полусонного зомби и потянулось к подносу с моти и маленькими бумажными стаканчиками апельсинового сока, лежащему на столе. Оно укусило одно, издало радостно-утверждающий звук, после чего потянулось за ещё одним, чтобы вложить его в руку Кураме.

— Они шоколадные, — сообщило ему отродье, прежде чем запихнуть остаток своего моти себе в рот.

Курама осмотрел моти в своей руке.

Хокаге издал небольшой смешок. Отродье утащило ещё одно моти с подноса, в то время, как Курама поднёс свой новый завтрак к своему рту. Разломав своё моти напополам, отродье скорчило недовольную гримасу при виде его содержимого: мягкой зелёной начинки, завернутой в белую, липкую рисовую пасту.

— Зелёный чай, — пробормотало оно, явно не впечатлённое. Он махнуло рукой с моти в сторону лица Хокаге. — Старик, хочешь?

Курама выловил моти из вытянутой руки отродья.

— У него нормальный вкус, — возразил он в ответ на выражение преувеличенного отвращения на лице отродья.

— Горький, — ответило, надувшись, отродье. — Но ты всё равно старый, старый старик.

Это, вероятно, задумывалось как оскорбление, но Кураме на самом деле вовсе не было четыре года от роду. Он проигнорировал насмешки отродья с лёгкостью, развитой от постоянных столкновений с ними, и погрузил свои зубы в моти. Зелёный чай не был горьким. Он был сладким и изысканным, с успокаивающим, терпким оттенком. Курама считал его лишь немногим хуже черничного сиропа.

Отродье фыркнуло, но не стало продолжать, вместо этого предпочтя выпить стакан апельсинового сока. Это было хорошо. Тишина была вещью, которую следовало ценить, поскольку в четыре с половиной года кушиново отродье имело склонность болтать и болтать на совершенно неважные темы, с соответствующим уровнем развития четырёхлетнего ребёнка чувством юмора и двухмерным взглядом на мир. Просто выслушивание его болтовни вызывало у Курамы головную боль.

Хокаге позволил Кураме проглотить свою еду, прежде чем выложить на стол взрывную печать сегодняшней темы для обсуждения.

— Наруто, — обратился он, дождавшись, пока отродье отвлечётся от набивания живота, чтобы произнести "Да, старик?", прежде чем продолжить. — Насчёт Академии...

Рыбка заглотила наживку. Отродье оторвалось от своей еды, чтобы посмотреть на Человека-Обезьяну широко распахнутыми глазами и с выражением лица, означающим полную сосредоточенность.

— Было решено, что через месяц вы вдвоём будете зачислены на обучение, — закончил Человек-Обезьяна, снисходительно улыбаясь при виде того, как отродье, забыв про моти и Кураму, подпрыгнуло в воздух с энергичным криком радости.

Курама, в свою очередь, с трудом удержался от того, чтобы не выплюнуть своё мороженное. Локоть задел его ухо, когда отродье выпрыгнуло из своего кресла, безудержно радуясь.

Отродье хотело стать ниндзя. Разумеется. Детей было легко восхитить проявлениями силы, и используемые шиноби фокусы для них были поразительны. Ограниченное взаимодействие мальчишки с людьми — ограниченное практически полностью шиноби, то есть АНБУ и Хокаге — тоже вряд ли помогало.

Курама не хотел стать ниндзя.

Сидеть тихо и не вызывать подозрение было необходимой частью плана, но то, что это было необходимо, ещё не означало, что это должно было ему нравиться. Политический баланс сил требовал от двух принадлежащих деревне "джинчурики" стать частью их военных сил, так что это всё равно не было в его слабых, крошечных человеческих руках. Курама пытался отсрочить неизбежное. Возраст зачисления был шесть лет, не четыре, хотя из-за многочасовых мольб отродья и глупого давления от других человеческих насекомых, Человек-Обезьяна, видимо, решил снизить входные требования.

Это было плохо. Курама только-только ухватил суть "содержания и игнорирования феномена кушинова отродья". Он вовсе не предвкушал, как его запихнут в целое помещение, полное кричащих и вопящих человеческих детей.

— Технически, мы не подходим под входные требования, — воспротивился Курама.

Посреди очередного прыжка в воздух отродье издало возмущённый, кудахтающий звук протеста.

— Ты прав, как всегда, мой дорогой. Обычно, да, — Человек-Обезьяна выдохнул длинный, ароматный шлейф дыма из своей трубки, пахнувший чем-то резким и травяным. — Но есть исключения.

Отродье с самодовольным видом ткнуло локтем в рёбра Курамы:

— Потому что мы классные.

Они не были классными. Отродье в особенности не было классным. Оно было прыгающим, говорящим комком неполноценности — Курама с трудом мог удержать его внимание на одном предмете хотя бы на пять минут в лучшем случае — и, несмотря на все усилия, отродье всё ещё не было способно разобраться в чём-либо, сложнее книжек с картинками.

— Я не готов к Академии, — попробовал Курама. Он автоматически оттолкнул локоть отродья в сторону и бросил на Человека-Обезьяну многозначительный взгляд.

Человек-Обезьяна был непоколебим.

Курама только дважды пнул отродье в голень по пути из Башни, что, учитывая его кричаще-громкую болтовню и то, как он продолжал толкать Кураму с каждым чрезмерно энергичным прыжком, доказывало, что у Курамы было совершенно ангельское терпение. Человек-Обезьяна шагал рядом с ними, подметая землю полами красно-белой мантии. Они спустились по лестнице, вышли за дверь и пришли к очереди магазинов возле клановых кварталов. Курама с отвращением остановился перед высящимся магазином. Мигающий неоновый знак наверху гласил: "Открыто".

— Мы идём за покупками? — требовательно спросил он, оглядывая двойные стеклянные двери.
— Почему?

— Вам понадобятся припасы, — пояснил Человек-Обезьяна. — Академия — это важный этап в жизни.

Весь первый этаж магазина был заполнен бесчисленными стойками с одеждой для ниндзя. Человек-Обезьяна прошёл мимо них, двигаясь к лестнице. Отродье, крепко вцепившись в руку

Курамы, шло следом. Второй этаж содержал корзины, заполненные походными наборами и оружием, которому придали вид аксессуаров. Покупатели бросали беглые взгляды на свиту Хокаге, прежде чем вернуться к своим делам.

В конце концов Человек-Обезьяна остановился перед стеллажом, заполненным тетрадами и письменными принадлежностями.

— Где штуки ниндзя? — спросило отродье, сморщив лицо. — Я видел реально клёвый кинжал внизу. Старик, можем мы купить его?

— Школьные принадлежности, — последовал строгий ответ. Подёргивание губы Человека-Обезьяны, когда он остановил отродье прямо перед стеллажами, многое говорило о том, как его забавляет эта реакция.

Курама уже пролистывал страницы тетрадей, стоя на цыпочках и прислонившись плечом к белому пластику шкафа. Там были журналы с твёрдыми обложками, черные и гладкие, с толстой и качественной бумагой. Там были тонкие, разноцветные рабочие тетради, очевидно, предназначенные для школьных заметок. Ряд ярких, разноцветных папок расположился полкой выше, и упаковки с аккуратно сложенными ручками и фломастерами висели на стойке слева от него.

— Но... но что насчёт всех блестящих кунаев и сюрикенов? — взмахнуло руками отродье. — Я не хочу карандаши. У нас их и так достаточно.

Упаковка разноцветных фломастеров ударила отродье по голове.

— Все твои карандаши — мусор, — проинформировал Курама надувшегося, обиженного мальчишку. Он уже выбрал пять журналов в твёрдой обложке и роскошную золотую авторучку и теперь балансировал ношу в своих руках.

— Просто потому, что тебе нравятся такие штуки, не значит, что они нравятся мне, — его голос был недовольным, но оно послушно протянуло руки, чтобы Курама мог сбросить ему свои покупки и продолжить поиски. Он выбрал несколько тетрадей в клетку и оранжевую пластиковую папку, чтобы добавить в кучу, а так же упаковку фломастеров. Отродье изучало полки с капризным и раздражённым выражением лица.

Оно схватило для себя растягивающийся ластик в форме куная и простой пластиковый пенал для карандашей, прежде чем безразлично отвернуться. Курама поймал его взгляд, сфокусированный на расположенных вдалеке товарах: одежде для ниндзя и замаскированном оружии, сложенных в высокие стопки в своих коробках.

Хокаге провёл их двоих к кассе, когда они закончили. Отродье скакало рядом с ним — высящаяся стопка книг заслоняла его голову, но оно всё равно умудрялось ныть про "Кунай и сенбон и я видел те реально классные наголенники и маски стари-и-и-ик" на протяжении всего

пути. Курама убрал свои руки в карманы шорт и держал голову опущенной, щурясь в сторону любого, кто решал бросить взгляд в его направлении. Пряди густых, красных волос падали ему на лицо. Они отросли до приличной длины, достаточной, чтобы опускаться ниже его подбородка. Курама смахнул их в сторону, пока отродье начало длинную, извилистую речь о важности острых штук в его образовании.

— Ты скучный, — наконец фыркнуло отродье, завершив свою тираду. Кассир сложил остатки их покупок в полиэтиленовые пакеты. После этого они ушли прочь, и прохладный шёпот осени оставлял покалывающие следы позади шеи Курамы. Хокаге кратко попрощался с ними возле пересечения нависших магазинов. Пыльные дороги растянулись перед Курамой, небо ясной синей птицей мерцало над его головой. Непокколебимое. Сильное.

Кушиново отродье наматывало петли вокруг, даже будучи нагруженным тремя пакетами с покупками. Барахтая руками и ногами, оно сгибало ладони в причудливые, широкие формы, чтобы проиллюстрировать очередную новую тему, которую он нашёл — "крутые новые дзюцу и шагание по стенам, ну же, Рама!". Когда один из торговцев на рынке посмотрел на них с плохо скрытым презрением, оно притянуло Кураму к себе, достаточно близко, чтобы их щёки столкнулись, застучало шуршащим полиэтиленом по коленям Курамы и заговорило громче, более пылко, как будто его слова могли заглушить весь остальной мир. Землю. Достаточно громко, чтобы пропитать одежду, кожу и кости. Курама чувствовал вибрации, грохочущие сквозь тонкие плечи и в его грудную клетку.

— Хватит кричать, болван, — пробормотал Курама, пихая локоть между отродьевых рёбер. Что вообще значили слова? Просто маловажные крупинки обломков утонувших кораблей — столь запросто списываемые и отбрасываемые в сторону. Он нахмурился, плотно поджав губы. — У нас есть дела поважнее.

***

Пятница не была днём стирки.

Тем не менее, вечером пятницы Курама обнаружил себя в прачечной, растянувшись животом вниз на трясущейся, шатающейся крышке сушилки, которая в настоящий момент находилась в середине процесса выжимания лишней воды из его одежды.

У Курамы не было проблем со стиркой в целом. Это было неприятным делом, но точно таким же было всё остальное, и он ещё недостаточно забыл о своей гордости, чтобы позволить себе быть неряшливым. Он содержал свою квартиру в порядке и относительной чистоте. Это был старый, прочно укоренившийся урок. Существовали границы, которые нужно было провести, когда дело доходило до гигиены и санитарии. Если что-то начинало вонять, то его следовало выкинуть, отмыть или поджечь. Одежда попадала во вторую категорию.

Тем не менее, днями для стирки не были пятницы.

— Мне скучно, — проныло отродье.

— Ты можешь подождать полчаса, — огрызнулся Курама. — Это ты хотел иметь какую-нибудь хорошую одежду.

Потому что Академия начиналась через три дня, и отродье было совершенно невыносимо. Оно продолжало вставать в "стойки ниндзя" и швыряться своим резиновым кунаем по всей квартире, и его меткость была достаточно плоха, чтобы он попадал по чему угодно, кроме цели. Как оказалось, "что угодно кроме цели" могло означать: Кураму, стену, тарелки, книги и плафоны на потолке. Там, где ему не хватало меткости, отродье восполняло силой, и оно разбило две лампочки и кружку. Как только кунай совершил контакт с головой Курамы, он был тут же выброшен из окна.

Разумеется, одного лишь упоминания смехотворной академии убийц-ниндзя было достаточно, чтобы поднять настроение отродью.

— Мы произведём хорошее впечатление, вот что мы сделаем, — широко улыбнулось оно, перекатываясь на локти и толкая пластиковую оранжевую корзину для белья, стоящую рядом.
— Мы заведем столько друзей, Рама!

Друзей. С крошечными, глупыми человеческими детьми-ниндзя. Курама издал низкий, насмехающийся звук, который можно было назвать фырканием.

— Я сильно в этом сомневаюсь.

Отродье было не сдержан.

— Или я могу завести друзей, и потом я покажу их тебе, и они тебя полюбят, потому что ты странный и смешной, и Рама.

Ход мыслей отродья зачастую был совершенно загадочным. И глупым. Эти два качества подпитывали друг друга.

— Это должно значить что-то хорошее? — задался вопросом Курама.

— Ага! Гляди, я заведу так много, и некоторые из них будут только мои, но некоторые из них будут и твои тоже, потому что делиться и они будут любить рамен, и мы возьмем их в Ичираку, потому что мы взрослые, которые живут одни и имеют деньги, и мы позовём Ину—

Курама автоматически заглушил его. Он, вероятно, должен приложить усилия к тому, чтобы избегать малявок, подумал он. Его контроль над собственными импульсами был не особенно хорош — это признавал даже он сам — а потому попытки оторвать людям лица были весьма вероятной возможностью. Он с трудом мог сдерживать себя ради кушинова отродья, и то не

всегда. Он пробовал ранее, весьма недолго, быть с ним помягче, чтобы заполучить доверие мальчика, но у Курамы всегда был вспыльчивый нрав, а в этой ситуации его запал был ещё короче обычного. Мягкость, к которой он стремился, просто не удерживалась; каждый раз, когда он видел себя в зеркале — красноволосого, большеглазого, маленького и полностью человека, каждый раз, когда он видел Узумаки Наруто — светловолосого и усатого, кульминацию каждого поколения, которое привело Кураму в эту тюрьму, каждого поколения, которое превратило ниншу из чего-то прекрасного во что-то жуткое, гнев начинал выплескиваться приливными волнами из его ушей, и резкие, сардонические насмешки Курамы начинались снова.

Он чувствовал себя спокойнее всего в местах вроде этих — прачечных, с их белыми стенами, и цикличным шумом, и без людей. В дни сезона дождей, когда вода падала с неба, и Курама тонул в ней. Спрятавшись под тёмными одеялами, где он мог притвориться, что он был где угодно, кроме текущей ситуации.

Классы в Академии, без сомнения, будут полной противоположностью.

Дети на самом деле не были особенно прочными. Отродье, как со временем осознал Курама, было исключением — в основном, потому, что чакра Курамы обернулась вокруг систем его тела как моток пряжи — но обычные дети... не были. Они больше были похожи на Кураму с его нынешней глупой оболочкой. Это немного уравнивало игровое поле. Это так же означало, что, если Курама решит попробовать оторвать их лица, у него был высокий шанс действительно преуспеть.

Он был уверен, что это был бы прекрасный способ оказаться выгнанным из Академии, но дополнительное слежение доставило бы ему больше проблем, чем стоили несколько секунд удовлетворения.

— ...И, может быть, один из них тоже будет любить книги, даже если я без понятия, почему ты это делаешь, но ты делаешь, и вы можете быть б-эм-какэтотам... ботанами? Ботанами, ага! Вы можете быть ботанами вместе!

С другой стороны, если малявки будут хоть немного похожими на отродье, то Курама отчаянно нуждался в паре хороших затычек для ушей.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500352>